

Танатологический сюжетно-мотивный комплекс в романной прозе Г. Газданова

Е. Н. Проскурина

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН, НОВОСИБИРСК

Аннотация: В ходе анализа танатологического сюжетно-мотивного комплекса романов Г. Газданова выявляется отношение писателя к смерти, определяющее вместе с тем и его отношение к жизни. Исследование художественного восприятия и переживания писателем смерти дает возможность увидеть не только доминанты его творчества, связанные с проблемой самосознания молодой эмиграции, но и отличительные стороны ментальности самого Газданова, определившие его особое место в литературной среде «незамеченного поколения». Как показало исследование проблемы, основной темы смерти у Газданова является библейский сюжет о Каине и Авеле. Его вариативные модуляции в цикле романов создают богатое сюжетное древо, чему посвящена вторая часть данной работы.

Ключевые слова: Романы Г. Газданова, литература младоэмигрантов, архетипические библейские сюжеты, сюжетика смерти.

УДК: 82.161.1

Контактная информация: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН. Тел. +7 (383) 330 47 72. E-mail: proskurina_elena@mail.ru.

Актуальность события смерти в человеческом бытии как «одного из коренных “параметров” коллективного сознания» [Гуревич, 1992, с. 1] отмечена все более повышающимся научным интересом к теме восприятия смерти и загробного мира, что встраивает ее в число ведущих антропологических проблем (см.: [Арьес, 1992; Бессмертный, 1991; Гуревич 1989; Левин, 1996; Постнов, 2001; Ринпоче, Рангдрол, 1998; Уоллис Бадж, 1997; Хисматулин, Крюкова, 1997] и др.). В литературе важность события смерти выражена тем, что оно оказывается «одним из самых частотных кульминационных моментов» [Капинос, 2012, с. 138] не только в драме и эпосе, но и в лироэпике (баллада), организует сюжет таких лирических жанров, как элегия, эпитафия, а также жанра некролога. Вместе с тем, как отметил П. Бицилли в работе

о Л. Толстом, «Отношением к смерти ... как всеобщему, непреложному и неизбежному в жизни, определяется у каждого отношение к жизни. У художника, следовательно, им определяется все его творчество» [Бицилли, 1928, с. 278].

Анализ сюжетики смерти в творчестве Г. Газданова, яркого представителя литературы первой эмиграционной волны, в определенной степени является показательным для поколенческого самосознания писателей-младоземигрантов, конституирования картины мира этой социально-культурной общности¹. В то же время исследование художественного восприятия и переживания писателем смерти дает возможность увидеть не только доминанты его творчества, связанные с проблемой самосознания молодой эмиграции, его отличия от сознания «старших», но и отличительные стороны ментальности самого Газданова, определившие его особое место в литературной среде «незамеченного поколения» (В. Варшавский).

Группируя и описывая танатологический сюжетно-мотивный комплекс в романном творчестве Г. Газданова, мы выделим в нем основные сюжетные гнезда, внутри которых попытаемся дифференцировать группы мотивов и более мелкие единства оттеночно-уточняющего характера. Продуктивность такой систематизации убедительно показана в работе Е. В. Капинос, проанализировавшей сюжетiku смерти в прозе И. А. Бунина [Капинос, 2012, с. 115–145]. В своем исследовании мы обращаемся к корпусу романов, опубликованных в пятитомном собрании сочинений Газданова [2009].

Отличительной особенностью романов Газданова является их парадигматичность в том значении понятия, которое введено работами В. И. Тюпы и подразумевает соответствие сюжета художественного произведения мировой археомодели [Тюпа, 1996, с. 16–23], что дает основание объединить все девять завершенных произведений в единый романский корпус, движимый идеей духовного «довоплощения» героя. Эмигрантское положение газдановского героя как чужого среди чужих, его принадлежность к «незамеченному поколению» младоземигрантов определяет для *лиминальной (пороговой) фазы испытания смертью* центральное место в метароманном сюжете. Данный принцип сохраняется и в двух поздних романах Газданова «Пилигримы» (1953–1954) и «Пробуждение» (1950-е – 1964), хотя они написаны на французском материале и не касаются эмигрантской темы. В этой связи объемную группу мотивов составляют *визионерские сны, видения героя*, особенно частотные в «русских» романах, чем обозначается его пограничное существование между жизнью и смертью. Визионерство героя втягивает в пространство его реальных и виртуальных воспоминаний всю историю человечества, проявляющуюся в смене культур, эпох, человеческих поколений, в том числе поколений эмиграции, через сохранение либо затухание памяти об оставленной России. Онейрические картины, пропущенные через сознание героя во всем богатстве непредсказуемых многоуровневых взаимосвязей, способствуют формированию лирической тональности газдановского повествования. Доминирование же мотивов *уходящести, безвозвратности* придает элегический от-

¹ Данной проблеме посвящены такие, например, работы, как: [Каспэ, 2005; Матвеева, 2008].

тенок этим фрагментам сюжета, что накладывает отпечаток и на романное целое.

Трагическое чувство, растворенное в поэтическом мире романов Газданова, основывается на авторской убежденности в том, что история мира началась «в тот день, когда Каин убил своего брата» [Газданов, 2009, III, 113], т. е. в тот момент, когда человек ощутил в самом себе, собственной своей природе «безличную притягательность убийства» [Там же]. Возникающий в речи одного из героев романа «Призрак Александра Вольфа» (1947) библейский мотив братоубийства становится смыслообразующим для всего метароманного сюжета Газданова, объясняя обилие реальных и потенциальных смертей в его произведениях, объединяющихся в сверхсюжет *жизнь под знаком смерти*. Библейская драма человечества оставила трагический отпечаток и на природном мире, в который тоже вошли дух соперничества и смерть. В качестве примеров здесь можно привести смертельную битву муравьев с тарантулом, умирающего филина и умирающего орла, подбитого на охоте отцом героя, в «Вечере у Клэр», незамеченную героями смерть золотых рыбок, выпрыгивающих из аквариума с перегретой водой, в «Призраке Александра Вольфа», смерть рыси, подбитой Щербаковым и растерзанной бульдогом в зимнем русском лесу, в «Возвращении Будды» и др.

Высокая частотность сюжетного мотива *болезнь к смерти* во всем романном корпусе Газданова также маркирует онтологическую поврежденность человечества, утратившего свое изначальное бессмертие. При этом выделяется такой вариант мотива, как *смерть от чахотки*, в чем слышен отзвук «петербургского текста». Характеристика Парижа как «зловещего и фантастического города» в романе «Ночные дороги» отсылает к художественным мирам «Пиковой дамы», «Медного Всадника» Пушкина, «Петербургским повестям» Гоголя, Петербургу Достоевского и др. При этом сам образ Петербурга наделен у Газданова светлыми коннотациями – как город детства, юности, первой любви его автобиографического героя. Особенно отчетлива эта модальность в «Вечере у Клэр». Если в русской классической литературе болезнь чахоткой и смерть от чахотки являются маркерами петербургского топоса как «гиблого места», т. е. имеют апокалиптический оттенок, то у Газданова основной акцент делается на социальной необустроенности французской столицы, что лишь частично пересекается с семантикой литературного Петербурга. Болеют и умирают от чахотки у него только отвергнутые обществом представители парижского «дна». Таковы князь-нищий Нербатов и уличная проститутка Алиса в «Ночных дорогах»; обитатель бедных парижских кварталов Мишка – бывший российский товарищ героя, и нищая чахоточная проститутка Мадо, предвидящая свою скорую смерть, в «Возвращении Будды»; молодой рабочий, внук одинокой старухи, после смерти которого она остается без опеки, в «Пилигримах» и др.

Чувство трагизма бытия своеобразно соединяется с жизнеспособностью газдановского героя, являющегося в романах писателя ценностно непревзойденной фигурой: в довольно частых ситуациях поединка со смертью он всегда остается жив. Исключение составляет только судьба героя «Пилигримов» Фреда, с чем связана, с одной стороны, экзистенциальная составляющая сюжета, с другой – морализаторский призыв финала: герой своей несвоевременной

внезапной смертью словно расплачивается за совершенные ранее преступления. Сама же сюжетная ситуация поединка, которой отмечен каждый роман Газданова, по законам жанра «требует жертв», каковыми оказываются «двойники» героя (дядя Виталий в «Вечере у Клэр» (1930), Александр Рябинин в «Истории одного путешествия» (1934), Сергей Сергеевич в «Полете» (1939), Александр Вольф в «Призраке Александра Вольфа» (1947), Павел Александрович в «Возвращении Будды» (1949)), а также в отдельных случаях героиня, всегда находящаяся в подчиненной к герою позиции (Лиза в «Полете», безымянная возлюбленная героя в «Ночных дорогах» (1939–1941), Катрин в «Возвращении Будды»). С нарастанием морализаторских тенденций в романном корпусе Газданова добычей смерти становятся персонажи, выполняющие антигероиную функцию в сюжете.

Любовь героев во всех девяти романах Газданова также является частью сюжета «жизнь под знаком смерти». Особенно рельефно данная модель репрезентирована «русскими» романами, в которых герой-эмигрант находится в экзистенциальной позиции бездомья и безвременья. Но и типологический образ героини Газданова также предстает в красках смерти, несмотря на ее кажущуюся легкомысленность, куртуазность. Образцом поэтики послужил для писателя стиль ар-деко, а красно-черные цвета, в которых чаще всего появляются его героини, соотносятся с поэтикой кабаре. Траурный семантический оттенок этого сочетания цветов усиливается комплексом мотивов, содержащих идею трагедийности бытия. Это мотивы *печали, горечи, чувственного изнеможения*, сопровождающие тему любви и часто предрекающие трагическое ее завершение. Архетипическим претекстом является здесь библейская Песнь Песней, на уровне же автодиалога – ранний рассказ Газданова «Черная капля» (предположительно начало 1930-х гг. [Красавченко, 2000, с. 239]), о чем нам подробно уже приходилось писать [Проскурина, 2009, с. 52–78]. Таким образом, традиционная археомодель *единства Эроса и Танатоса* приобретает у Газданова особое смысловое наполнение, актуализирующее «смертельное» начало в его любовном сюжете.

Угасающая со временем память о родине, ее тускнеющий образ в сознании героев-россиян придают особый драматизм эмигрантской теме в романах Газданова, все более нарастающий в процессе творчества. В то же время данная группа мотивов лишь косвенно касается той традиции русской классической литературы, которая связана с темой разрушения / опустения родовых гнезд и является доминантной в прозе «старших» эмигрантов, например в творчестве Бунина. В корпусе «русских» романов мотив разрушения дома, гибели семьи наиболее отчетливо проводится только в первом романе Газданова «Вечер у Клэр», пунктирно обозначен в «Истории одного путешествия» и лишь эскизно намечен в одном из «проходных» эпизодов «Полета». В основном же весь подцикл, состоящий из шести произведений, объединяет экзистенциальная идея движения человеческой истории в неизвестность, гибели цивилизаций, культур, городов, персонифицированная многочисленными смертями исторических личностей, деятелей искусства, в конце которой, однако, мерцает картина Страшного Суда. Апокалиптичность мировосприятия рождает в душе автобиографического героя *страх смерти*, часто борющийся с безотчетным *притяжением смерти*. Особое место в этом ряду занимает сю-

жетная ситуация *смерти отца* в «Вечере у Клэр», открывающая у юного героя Коли Соседова «ген смерти» и являющаяся отправным моментом в формировании метароманного лейтмотива *страха смерти*. Мотив *притяжения смерти* также впервые появляется в «Вечере у Клэр» – в оконном эпизоде, где маленький Коля Соседов, зачарованный звуками пилы, раздающимися за окном, и заворуженно наблюдающий за работой пильщиков во дворе, все больше свешивается из окна, почти выпадая из него и уже чувствуя холодный воздух – дыхание смерти. Эта сцена становится предчувствием *визионерских путешествий* героя, в которых он словно выходит за пределы реальности, погружаясь в мир своих грез, снов, видений. Звук пилы внезапно возникает в памяти героя в тот момент, когда он, пройдя опыт Гражданской войны, отправляется из Крыма в эмиграцию на корабле. Ассоциации с областью смерти усиливают мортальную семантику мотива *морского перехода к другим берегам* в этом финальном эпизоде романа, символизируя вступление героя в пространство инобытия. В дальнейшем этот мотив варьируется в «Полете» (смерть при пожаре на корабле Роберта, одного из любовников Лизы), «Призраке Александра Вольфа» (смерть родителей Елены Армстронг в морском путешествии: пароход подорвался на mine), «Возвращении Будды» (морской путь героя к Катрин изображен в красках *последней переправы*), служа одной из разновидностей сюжетной ситуации *внезапной смерти*, о которой речь пойдет ниже.

Мотивы *разрушения дома, семьи* в первом романе «французской» дилогии «Пилигримы» связаны с иной сюжетной ситуацией, восходящей к жанру социально-бытового романа, где герой является нелюбимым потомком бедного семейства, губящего себя в пьянстве, разврате и криминальных столкновениях. Остающийся один на один с жестоким миром, он строит отношения с ним по тому образцу, который перенял из собственного детского опыта. Таков Фред, таково начало самостоятельной жизни Жанины. Во втором «французском» романе «Пробуждение» смерть родных обостряет в герое – «среднем французе» Пьере Форэ – чувство одиночества и растерянности перед будущим, активизирует созидательные интенции организации собственного мира. И в том, и в другом случае ситуация смерти родных становится исходной для построения притчевого сюжета *духовной смерти-воскресения* героя.

Романы Газданова отмечены многочисленными случайными, немотивированными смертями – такими, как смерть чиновника в «Вечере у Клэр», неловко разряжавшего ружье на охоте и выпустившего «себе в лоб весь заряд крупной дроби» [Газданов, 2009, I, с. 58], смерть случайного пассажира на потерпевшем катастрофу авиалайнере в «Полете», неожиданная смерть мужа Елены Армстронг и др. За подобными нелепыми, казалось бы, ситуациями у Газданова скрывается экзистенциальное первочувство тайны бытия и человеческой судьбы, выражение идеи «смерть повсюду». Вместе с тем в отдельных случаях такого рода смерти содержат семантический призыв *заслуженного воздаяния за несправедную жизнь*, т. е. придают экзистенциальному сюжету притчевую модальность. Кроме нравственно уязвимых героев «Полета», словно специально собранных автором на погибший авиалайнер, в «Возвращении Будды» это утонувший во время купания в море старший брат Щербакова, отказавшийся ранее от своих братских отношений; в «Пилигримах» – упавший ночью в пропасть бывший убийца и сутенер Фред, по-разному по-

гибшие в автокатастрофах шантажист Шарпантье, Валентина и ее безумный случайный любовник; в «Эвелине и ее друзьях» (1951–1968) – скупец Жорж, как и старший Щербаков, отказавшийся от своего брата Андрея.

Военная часть биографии Газданова (он служил в Белой армии, затем с ее остатками покинул Россию через Крым, Галлиполи, Константинополь, обосновавшись, наконец, в Париже), давшая ему опыт непрерывного, ежедневного существования перед лицом смерти, отразилась на отношении его героев к смерти, к собственному умиранию, за которым всегда чувствуется нравственная подкладка. Особую подгруппу этой группы сюжетных мотивов составляют романтические мотивы *смерти друга* (Диков в «Вечере у Клэр») и *несостоявшейся обещанной встречи друзей после войны* («Эвелина и ее друзья»). Мотив смерти друга в «Вечере у Клэр» встраивается в литературную традицию, берущую начало из Античности (Ахиллес и Патрокл, Орест и Пилад) и особенно активизирующуюся в культуре XVIII–XIX вв. с ее культом дружества (вспомним хотя бы пушкинские стихи Лицею, прежде всего «Роняет лес багряный свой убор...», «Тень друга» К. Батюшкова, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина с описанием могилы друга и пр.). Эта традиция центрируется вокруг сюжета воспоминания о погибшем друге, общие очертания которого таковы: два друга вместе были на войне, после гибели одного из них оставшийся в живых, вспоминая его (вариант: стоя у его могилы), испытывает философские, творческие, гражданские и пр. прозрения. В наиболее развернутом виде данный сюжет реализован в «Тени друга» К. Батюшкова: «*Вся мысль моя была в воспоминанье... / И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне, / Погибший в роковом огне / Завидной смертию над плейсскими струями... / «Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней! / Ты ль это? – я вскричал, – о воин вечно милой! / Не я ли над твоей безвременной могилой... / Мечом на дереве твой подвиг начертал / И тень в небесную отчизну провождал / С мольбой, рыданьем и слезами?..»* [Батюшков, 1988, с. 49]. В газдановском романе он предстает в усеченном виде, скорее, как «память жанра»: «*Помню, когда я учился в кадетском корпусе, у меня был товарищ Диков; мы дружили потому, что оба умели хорошо ходить на руках. Потом мы больше не встречались – так как меня взяли из корпуса. Я помнил о Дикове, как обо всех остальных, и никогда не думал о нем. Спустя много лет в Севастополе в жаркий день я увидел на кладбище деревянный крест и дощечку с надписью: “Здесь похоронен кадет Тимофеевского корпуса Диков, умерший от тифа”. В тот момент я почувствовал, что потерял друга»* [Газданов, 2009, I, с. 63]. Мотив несвоевременной ранней смерти, похитившей друга до жизненного расцвета, является частью романтического сюжета *юноша и смерть*. У Газданова он приобретает новые семантические оттенки: становится маркером нового века как жестокой эпохи.

Немногочисленность выделенной подгруппы обусловлена отсутствием богатого и разнообразного опыта дружбы у самого Газданова, даже в эмигрантской среде старавшегося держаться обособленно и независимо, что, однако, совмещалось с добротой и благородством души, о чем есть множество свидетельств окружавших его людей [Диенеш, 1995, с. 85], а также его собственные признания, сделанные от лица героя-повествователя в «Вечере у Клэр»: «*Я быстро привыкал к новым людям и, привыкнув, переставал заме-*

чать их существование. Это была, пожалуй, любовь к одиночеству, но в довольно странной, непростой форме. <...> Впоследствии я понял, что, поступая так, я ошибался, я лишился одной из самых ценных возможностей: слова “товарищ” и “друг” я понимал только теоретически» [Газданов, 2009, I, с. 63]. Но далее автобиографический герой признается, что чувство дружбы становилось для него особенно близким тогда, «когда появлялся призрак смерти или старости, когда многое, что было приобретено вместе, теперь вместе потеряно. Я думал: дружба – это значит: мы еще живы, а другие умерли» [Там же]. Здесь в тему смерти вплетаются элегические мотивы *жизненного величия и упадка, отцветшей молодости, быстротечности жизни*. В реализации этого мотивного ряда особое место принадлежит «Ночным дорогам», объединившим в своем фрагментарном сюжете множество судеб «бывших»: бывшей дамы полусвета Ральди, бывшего богача князя Нербатова, бывшего ресторатора, бывшего respectableного парижанина по прозвищу Платон, бывших россиян и пр. и пр., умирающих, как Ральди, либо живущих в предчувствии скорой смерти, как Платон.

Значимое место в творчестве Газданова занимает криминальная тема («История одного путешествия», «Полет», «Ночные дороги», «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды», «Пилигримы», «Эвелина и ее друзья»), что сближает его романы с беллетристической прозой и организует соответствующее сюжетное гнездо *криминальных смертей*, пожалуй, самое объемное по своему разнообразию во всей сюжетике смерти Газданова. Хотя истоком служит здесь та же исходная мысль о поврежденности человеческой природы Каиновым грехом, что придает криминальной теме газдановских романов экзистенциальное звучание. Другой смысл данной группы сюжетов связан с социальной проблематикой, мотивирующей тему убийства необустроенностью жизни героя, скудостью его сознания (Курчавый Пьеро в «Призраке Александра Вольфа», Амар в «Возвращении Будды», Дуду и Фрэд в «Пилигримах» и др.). Внимание писателя к жизни парижского «дна» формирует еще одну сюжетно-мотивную мортальную группу – это смерти нищих, в том числе нищих русских эмигрантов, проституток, случайных встречных героя-эмигранта. В данной группе частыми элементами сюжета выступают мотивы *самоубийства и исчезновения*, где мотивацией поступка служат отчаяние, отсутствие смысла существования, потеря родины, социального положения и пр.

Одним из основных способов преодоления ужаса смерти служит в романах Газданова авторская ирония, проявляющаяся чаще всего в сопутствующих сюжетных линиях. Так, изображая любовную драму героев «Полета», он, словно вскользь, упоминает роман Федора Слетова и владелицы похоронных бюро, варьируя ту же ситуацию в «Возвращении Будды» – в эпизоде свадьбы дочери консьержки и служащего похоронного бюро, что вносит ироническую модальность в сюжетный архетип *единство Эроса и Танатоса*. Кроме того, в этих эпизодах можно увидеть ироническую трансформацию того архаического восприятия смерти «коллективным бессознательным», которое Ф. Арьес называет «прирученной смертью», – отношение к смерти как к обыденному явлению, не внушающему страха. У Газданова, однако, за подобной «прагматикой» персонажей скрыт потаенный страх смерти, проступающий, например,

в эпизоде похорон Пьера в «Полете», куда участники приходят для решения своих житейских проблем, словно доказывая самим себе собственное «мнимое бессмертие». Еще отчетливее авторская ирония звучит в ситуациях, варьирующих классический сюжет «любовь при мертвом». В «Полете» это сцена «неудержимого желания» к Лоле врача, приехавшего засвидетельствовать смерть ее любовника, в «Пробуждении» – «удовлетворение страсти» Жюстиной и ее любовником при только что умершем в любовной постели Жюстины другом ее любовника. Назовем также и обилие «литературных» смертей, придумываемых персонажами Газданова по моделям «бульварных» образцов. Это смерти их несуществующих родственников, детей, в собственных сентиментальных реакциях на которые они пытаются показать себя лучше, чем есть на самом деле, вызвать к себе жалость и сострадание, чаще всего руководствуясь корыстными соображениями.

Можно заключить, что мортальный сюжетно-мотивный комплекс в романах Газданова объединяется одной главной формулой: жизнь – это тень смерти. В контексте его главной максимы – история мира началась с братоубийства – такое существование оказывается оправданным, поскольку невиновных в человечестве нет, на каждом из потомков Каина лежит генетическая печать этой первой библейской драмы. Таким образом, на наш взгляд, Газданов выявляет единое архетипическое основание литературной сюжеттики смерти, ее проективность по отношению к библейским сюжетам – во множестве вариаций, трансформаций, модификаций.

* * *

Тезаурус смерти романов Газданова

Авель и Каин: первое убийство в истории человечества, предопределившее трагизм его судьбы

«Призрак Александра Вольфа»: человеческая история – история каинитов, начавшаяся «в тот день, когда Каин убил своего брата»

а) подсознательное «чувство убийства» / способность к убийству как возврат к древнему инстинкту / проявление «закона наследственности» / кровной мести / часть «душевной биографии» героя / героини – *«Вечер у Клэр»*: гибель товарищей деда-осетина, ставших «жертвами мести»; *«Полет»*: Лиза в глазах Сергея Сергеевича; *«Ночные дороги»*: герой; *«Призрак Александра Вольфа»*: герой; Вольф: в его философии «власть убийства» служит кратковременной возможностью возвыситься над гибельной судьбой (см.: «Теоретическое / философское убийство»); *«Пилигримы»*: Роберт, Лазарис ради предотвращения трагической судьбы своих любимых женщин;

б) единство палача и жертвы – *«Призрак Александра Вольфа»*: поединок героя и Вольфа; *«Возращение Будды»*: убийца Амар – исполнитель и жертва чужого плана преступления;

в) картины смертей / убийств на войне – *«Вечер у Клэр»*; *«Призрак Александра Вольфа»*; *«Возращение Будды»*.

Болезнь к смерти

«*Вечер у Клэр*»: болезнь и смерть отца; смерть сестер героя; смерть «реалиста Володи» от дифтерита; «*История одного путешествия*»: болезнь и смерть Александра Александровича в Париже; «*Ночные дороги*»: болезнь и смерть Ральди; болезнь и смерть одной из самых близких женщин героя; «*Пилигримы*»: смерть матери Жанины; болезнь мсье Симона, сопровождающаяся постепенным исчезновением красок жизни, потерей интереса к жизни; болезнь и смерть матери Рожэ; «*Пробуждение*»: болезнь и смерть отца Пьера Форэ; рак легких у отца Анны Дюмон;

а) чахотка – болезнь обездоленных – «*Ночные дороги*»: князь-нищий Нербатов; уличная проститутка Алиса (намеченная в финале скорая смерть); «*Возвращение Будды*»: обитатель парижского «дна» Мишка, бывший российский товарищ героя; нищая чахоточная проститутка Мадо, предвидящая свою скорую смерть; больному чахоткой убийце Амару казнь на гильотине преграждает путь к мирной смерти; «*Пилигримы*»: смерть молодого рабочего, внука одинокой старухи, оставшейся без опеки; «*Эвелина и ее друзья*»: смерть одного из трех товарищей героя в эмиграции в Германии;

б) тиф – болезнь войны – «*Вечер у Клэр*»: смерть Дикова; тифозные вагоны бронепоезда;

в) преодоление болезни к смерти / победа над смертью – «*Вечер у Клэр*»: выздоровление Николая от дифтерита; «*История одного путешествия*»: выздоровление героя после автокатастрофы; «*Пробуждение*»: выздоровление Анны-Марии;

ва) как «отсроченная смерть» – «*История одного путешествия*»: выздоровление от тифа Александра Александровича в революционной России; «*Призрак Александра Вольфа*»: выздоровление Александра Вольфа после тяжелого ранения на Гражданской войне; «*Пилигримы*»: выздоровление Фреда от нанесенных травм в поединке с Робертом;

г) символы болезни, предвестники смерти – «*Вечер у Клэр*»: желтый свет, черный колодец; «*История одного путешествия*»: вороны, черная лодка у берега, черные волны.

Видения Апокалипсиса: Символика катастроф

а) вселенская катастрофа – «*Вечер у Клэр*»: падение в пропасть, пылающая земля, резкий «острый» звук; «*История одного путешествия*»: падение в пропасть, тьма; «*Пробуждение*»: бомбардировки Второй мировой войны вызывают у Анны-Марии ощущение конца света, гибели мира, «о котором, может быть, не стоит жалеть» [Газданов, 2009, IV, с. 127];

б) российский апокалипсис – «*Вечер у Клэр*»: красное пламя, «плачущий, ныряющий» звук полета, звук гармоник и шарманки, зимний холод улиц, тонущий корабль; «*Призрак Александра Вольфа*»: белая лошадь Вольфа;

в) Париж – апокалиптический «мертвый мир» / город-призрак – «*Ночные дороги*»: тьма, смрадный лабиринт, «темные развалины рухнувших зданий», «человеческая падаль»; «*Возвращение Будды*»: «апокалиптическая грязь» нищенских притонов; «*Эвелина и ее друзья*»: исчезновение и возникновение призрачного образа Парижа в сознании я-повествователя под впечатлением игры ресторанного пианиста;

Визионерские сны / видения – «двойное существование» героя «между действительным и мнимым» / жизнью и смертью

«Вечер у Клэр»; «История одного путешествия»; «Ночные дороги»

а) видение / сон – предчувствие смерти – «Призрак Александра Вольфа»: видение Вольфом собственной смерти в момент ранения; «Возвращение Будды»: воспоминание героя о своей смерти; «Пилигримы»: сон Жанины как предчувствие смерти родных, одиночества;

б) видения иной собственной жизни, «легкой», «весенней», контрастирующей с безрадостной реальностью повседневности – «Ночные дороги»: видения героя – ночного таксиста, жителя бедного квартала;

в) призрачный мир творчества – «Эвелина и ее друзья»: творческие видения героя;

г) метампсихоз – «История одного путешествия»: «воспоминания» учительницы немецкого языка о своих «прошлых жизнях», в которых она была маркитанткой в войсках крестоносцев, Фридриха Барбароссы и др.; «Возвращение Будды»: видения героем себя в разных телах, иных обликах, необъяснимых ситуациях и обстоятельствах, текущие параллельно его реальной жизни; лирические размышления героя о влиянии творчества на последующие воплощения творца; «Эвелина и ее друзья»: увлечение и скорое разочарование Эвелины в Котике, практикующем метампсихоз (иронич.).

Внезапная / немотивированная смерть как выражение тайны бытия: «Ибо не ведаете ни дня, ни часа...»

«Вечер у Клэр»: смерть чиновника, неосторожно прочищающего ружье; смерть деда героя – прекрасного наездника-осетина, неожиданно упавшего с необъезженной лошади; «История одного путешествия»: смерть старика-нищего; «Полет»: смерть от шальной пули часового, охранявшего Сергея Сергеевича; смерть театрального журналиста, первого покровителя Лолы Энэ; смерть маляра, нового любовника Лолы, упавшего с лестницы в пьяном виде; неожиданная, но чаемая Лолой смерть мужа, ставшего случайной жертвой чужой перестрелки; смерть от неудачной операции аппендицита первой жены Аркадия Александровича; смерть одного из любовников Лизы при пожаре на корабле, на котором он плыл на свидание с нею; смерть случайного пассажира на потерпевшем катастрофу аэроплане; «Ночные дороги»: смерть владельца кафе от апоплексического удара; смерть старухи по прозвищу Ничерта; «Призрак Александра Вольфа»: смерть мужа Елены Армстронг; смерть родителей Елены в морском путешествии: пароход подорвался на mine; «Возвращение Будды»: смерть брата Щербакова, утонувшего в море, наследство которого достается Щербакову; смерть мужа Лиды от передозировки морфия; «Пилигримы»: смерть отца Жанины, сбитого машиной (аллюзия на смерть Мармеладова); смерть Дениз накануне ее очередного брака; смерть Рибо, любителя бурной жизни, от удара; смерть Франсуа Кадэ, самоуверенного и беспощадного человека, от удара ножом в спину; смерть Куницы от «первого и последнего» припадка астмы; «Пробуждение»: смерть матери Анны, уснувшей и не проснувшейся; «Эвелина и ее друзья»: скорая смерть мужа Луизы Дэвидсон; война, смерть, катастрофа – результат миллионов случайностей (мотив)

а) знак хрупкости человеческой жизни – *«Пилигримы»*: смерть Одетт, задушенной маньяком; смерть матери Фреда, упавшей ночью в реку и утонувшей; смерть отчима Фреда, «жилистого калеки», убитого в криминальной разборке;

б) воздаяние за несправедную жизнь – *«Полет»*: смерть героев в авиакатастрофе; *«Пилигримы»*: смерть шантажиста Шарпантье в автокатастрофе; смерть Валентины Симон, ведущей «бесшабашное существование», и ее любовника в автокатастрофе; смерть Фрэда, в прошлом убийцы и сутенера;

в) убийство, закамуфлированное под внезапную смерть – *«Пробуждение»*: внезапная смерть на ложе любви одного из любовников Жюстины (см.: «Любовь под знаком смерти», ea)).

Живой мертвец / человек-«призрак»

«Вечер у Клэр»: мать героя после смерти мужа, двух дочерей, ухода сына на Гражданскую войну; *«Полет»*: Сергей Сергеевич – «человек-машина»; Лолла; *«Призрак Александра Вольфа»*: Вольф, после тяжелого ранения превратившийся в живого мертвеца; *«Возращение Будды»*: нищий Щербаков – «призрак» из исчезнувшего мира дореволюционной России; *«Пробуждение»*: душевнобольная Мари – живая кукла / статуя; *«Эвелина и ее друзья»*: старик Ланглуа – «человек-мумия»

а) жизнь парижского «дна» – существование в смертельном сне – *«Возращение Будды»*: видение героем пляски мертвецов, в образах которых он распознает своих уличных знакомых; *«Эвелина и ее друзья»*: жизнь уличной цветочницы Анжелики и ее круга напоминает герою движение сквозь смертельный сон, из которого ее может извлечь только ангел смерти.

Жизнь под знаком смерти как историческая драма человечества: уходящая жизнь – необратимость движения истории – смена эпох, гениев и злодеев, человеческих поколений, в том числе поколений эмиграции – сохранение / стирание памяти об оставленной России

«Вечер у Клэр», *«История одного путешествия»*, *«Полет»*, *«Ночные дороги»*, *«Призрак Александра Вольфа»*, *«Возращение Будды»* – каждый камень в Европе пропитан кровью от войн, революций, деспотии, голода, инквизиции и пр.; *«Пилигримы»*; *«Пробуждение»*, *«Эвелина и ее друзья»*

а) всеприсутствие, неотвратимость смерти / смерть, уравнивающая все и всех (мотивы): *«Полет»*; *«Возращение Будды»*: смертная казнь Амара уравнивает его с его жертвами, с жертвами войны, тяжелой болезни; *«Пилигримы»*: «смерть была всюду...»; *«Эвелина и ее друзья»*: только смерть, останавливающая движение жизни, дает ответ на неразрешимые вопросы; «смерть повсюду»; жизнь во всех ее меняющихся обстоятельствах есть путь к смерти;

аа) безрезультатность бега от смерти – *«Призрак Александра Вольфа»*: история сына бакалейщика; легенда о садовнике и смерти;

б) тускнеющая память истории, культуры, оставленной родины, которая есть лишь неверная тень от давнего события – *«Вечер у Клэр»*; *«Ночные дороги»*: попытка героя сохранить в воспоминаниях угасающий образ родины, своего родового гнезда; попытка «старших» удержать мифический образ России, став его «живыми иероглифами»; *«Возращение Будды»*;

в) разрушение семьи / уходящие поколения – «*Вечер у Клэр*»: смерть отца, двух сестер героя, смерть деда; «*История одного путешествия*»: смерть матери Володи; гибель отца Артура в полярной экспедиции; «*Полет*»: самоубийство жены и гибель детей бывшего российского миллионера, служащего в Норвегии бухгалтером; гибель отца Сережи и тети Лизы в авиакатастрофе; «*Пилигримы*»: смерть брата сенатора Симона обесмысливает его жизнь; смерть деда Жанины обесмысливает жизнь бабушки, умирающей вскоре после него (вариант «Старосветских помещиков» Гоголя); «*Пробуждение*»: смерть отца, а затем матери обесмысливает жизнь Пьера; ранняя смерть матери Анны-Марии, смерть отца перед Второй мировой войной; «*Эвелина и ее друзья*»: смерть родителей, а затем мужа Луизы Дэвидсон;

Вариант: смерть нелюбимого родственника – нежданная удача / разочарование – «*Возвращение Будды*»: смерть брата, отказавшегося от родственных отношений, приносит богатство Щербакову; «*Пробуждение*»: смерть нелюбимой богатой Жюстины, обманувшей ожидания родных о будущем наследстве; «*Эвелина и ее друзья*»: смерть богача Жоржа вызывает у его брата Андрея, лишенного наследства, радость его обретения и внутренней свободы;

ва) связь поколений – попытка бессмертия – «*Ночные дороги*»: «физиологические ощущения» героя своей связи с давно умершими «далекими предками»;

г) разрушение детского семейного рая – «*Вечер у Клэр*»: смерть отца героя становится для него началом разрушения рая детства; «*История одного путешествия*»: смерть матери Володи – крушение мира его детства; «*Полет*»: взросление Сережи – разрушение райского бытия детства;

га) смерть родных разрушает призрачный рай детства у ребенка-бедняка, обрекая его на уличную жизнь / нищету / преступление – «*Пилигримы*»: смерть родителей, деда и бабушки Жанины рождает в ней чувство одиночества, пустоты, жизненной незащищенности, страха перед будущим; смерть родных Фреда;

д) жизненное «величие и упадок», элегические мотивы *отцветшей молодости, уходящей жизни, «тени смертной*» – «*Вечер у Клэр*»: «пожилая горничная» Клэр, пытающаяся удержать свою молодость любовными историями; внезапно постаревшая и потерявшая себя мать героя после смерти мужа и дочерей; «*История одного путешествия*»: стареющая бывшая красавица Дина; «*Полет*»: представления Лолы Энэ об одинокой старости, медленном угасании жизни; минутные прозрения Людмилы о загубленной жизни; Сергей Сергеевич, задумывающийся о своей неудавшейся жизни как предчувствии скорой смерти; сожаления Аркадия Александровича о неправильно прожитой жизни; «*Ночные дороги*»: севастопольская старушка, поющая угасающим слабым голосом «Мой миленький дружок, / Любезный пастушок»; князь-нищий Нербатов; постаревшая бывшая дама полусвета Ральди; Платон – алкоголик-интеллектуал; «*Возвращение Будды*»: размышления героя о судьбе Микеланджело; «*Пилигримы*»: увядающие цветы на могиле Рибо, приносимые «пожилыми дамами в черном»; угасание жизни Жерара, Лазариса; «*Эвелина и ее друзья*»: тени прошлого в рабочем кабинете героя; сентиментальные фантазии Артура, пишущего на заказ выдуманную

романтическую жизнь уголовного Ланглуа; увядание жизни, когда из нее уходит любовь;

ж) жажда бессмертия – «*Призрак Александра Вольфа*»: Вознесенский; «*Эвелина и ее друзья*»: бывший преступник Лонглуа, романтизирующий свою жизнь в выдуманных воспоминаниях;

Вариант: близость смерти / существование под знаком смерти активизирует жажду жизни / дружбы / любви / творчества – «*Вечер у Клэр*»: герой; «*История одного путешествия*»: Володя; «*Полет*»: Лиза, Сережа, предвидящие расплату за свою преступную инцестную любовь; «*Ночные дороги*»: воображаемая героем-таксистом дорожная катастрофа внутренне сближает его со случайными пассажирами его такси; «*Призрак Александра Вольфа*»: герой; «*Возвращение Будды*»: герой, Щербаков;

а) готовность к жертвенной смерти за «другого» – «*Пилигримы*»: готовность Рожэ умереть вместо его тяжело больной матери;

б) эгоистическую жажду обладания, подчинения «другого», возлюбленной – «*Призрак Александра Вольфа*»: Вольф.

в) парализует душевные чувства / жизнь души (инверсия) – «*Вечер у Клэр*»: дядя Виталий; «*История одного путешествия*»: Александр Александрович; «*Призрак Александра Вольфа*»: Вольф, Елена.

Кладбищенские мотивы (см. также: «**Жизнь под знаком смерти как историческая драма человечества: уходящая жизнь – необратимость движения истории – смена эпох, гениев и злодеев, человеческих поколений, в том числе поколений эмиграции – сохранение / стирание памяти об оставленной России**», д))

«*Вечер у Клэр*»: похороны отца героя; могила Дикова; «*История одного путешествия*»: фамильный склеп и крест на могиле отца Александра Александровича Рябинина; «*Полет*»: олитературенные похороны первой жены Аркадия Александровича; «*Ночные дороги*»: элегический образ собственной могилы на родовом кладбище в России, возникающий в ностальгических грезах героя; «*Возвращение Будды*»: представления Щербакова о собственной христианской кончине и торжественных похоронах; воспоминания героя о рывке могилы для русских воинов на кладбище в русском военном лагере; элегические кладбищенские мотивы песни Катрин – исчезнувшей возлюбленной героя; «*Пилигримы*»: похороны сенатора Симона, фальшивость похоронных речей, забвение памяти; могила Рибо, на которую «пожилые дамы в черном» неизменно приносят цветы; «*Пробуждение*»: могила матери Пьера; могила тетки Жюстины: фальшивая роскошь как символ фальшивой жизни и мнимого благочестия; «*Эвелина и ее друзья*»: могила Жоржа в сентиментальном воображении героя и Эвелины

а) чужие похороны – свидетельство собственного «временного бессмертия» / место встреч, способ решения собственных проблем (иронич.) – «*Полет*»: похороны Пьера – мужа Лолы Энэ;

б) музей как кладбище культуры (метафорич.) – «*Пробуждение*»: Лувр.

Криминальные смерти / убийства

- а) смерть в пьяной драке – «*История одного путешествия*»;
- б) убийство из корысти – «*Ночные дороги*»: убийство молодоженами богатого старика с целью открыть на его деньги кафе и стать «честными коммерсантами»; «*Возвращение Будды*»: убийство Щербакова – бедняка-богача;
- в) убийства, совершаемые из социального протеста к тому миру, в который герою-убийце закрыт доступ – «*Возвращение Будды*»: убийство Амаром, бедным чахоточным арабом, богатого русского парижанина Щербакова;
- г) изощренные / зверские убийства – «*Призрак Александра Вольфа*»: женщина, «разрезанная на куски»; «*Возвращение Будды*»: убийство Амаром Щербакова ножом, которым он резал скот на бойне;
- д) убийство из ревности – «*Призрак Александра Вольфа*»: убийство курчавым Пьеро своего соперника Альберта; «*Пробуждение*»: «Убийство из ревности» – название газетной статьи, текст которой не воспроизводится;
- да) неудавшееся убийство из ревности – «*Призрак Александра Вольфа*»: попытка убийства Вольфом Елены; «*Эвелина и ее друзья*»: покушение бывшего любовника Луизы Дэвидсон американского гангстера Канелли на Мервила, закончившееся тяжелым ранением Мервила и смертью Канелли;
- е) убийство преступника в перестрелке с полицейскими – «*Призрак Александра Вольфа*»: смерть Курчавого Пьеро; «*Эвелина и ее друзья*»: убийство первого любовника Луизы Дэвидсон;
- ж) убийство из самозащиты – «*Возвращение Будды*»: убийство героем наемного убийцы (эпизод в Центральном Государстве);
- з) убийство из мести за поруганную честь женщины – «*Пилигримы*»: Жерар, мстящий за Марго;
- и) загадочное нераскрытое убийство – «*Эвелина и его друзья*»: убийство Жоржа, за которое осужден невиновный: его садовник Клеман;
- к) казнь преступника-убийцы – «*Возвращение Будды*»: Амар;
- ка) справедливая расправа с подлецом / преступником – преступление без наказания – «*История одного путешествия*»: убийство Артуром доктора Штука; «*Эвелина и ее друзья*»: убийство насильника, надругавшегося над еврейской девочкой; убийство Луизой Дэвидсон ее бывшего любовника, гангстера Канелли, преследовавшего ее и угрожавшего смертью ее возлюбленному Мервилю;
- л) наказание, несмотря на недоказанную вину убийства, как воздаяние свыше за несправедную жизнь – «*Эвелина и ее друзья*»: приговор к каторжным работам садовника Клемана, служившего в имении Жоржа и подозреваемого в его убийстве. Несмотря на недоказанность вины, брат Жоржа Андрей уверен, что наказания без вины не бывает: Клеман понес справедливую кару за то, что был пьяницей и жестоко избивал свою жену и детей (вариация на тему «слезинки ребенка» Достоевского);
- ла) случайное убийство как воздаяние за грехи – «*Пилигримы*»: шантажист Шарпантье, случайно попавший под колеса автомобиля, управляемого преступником Дуду.

«Литературные смерти»

а) смерть героя литературного произведения активизирует жизнь сердца у героя-читателя – *«Вечер у Клэр»*: горе маленького Коли Соседова от прочитанной истории о пожаре в школе, оставившем сиротой деревенского мальчика;

аб) повод для интеллектуальных «упражнений» героев – *«Эвелина и ее друзья»*: герой и Мервиль, рассуждающие над возможными вариантами судьбы Дездемоны, если бы она не была задушена Отелло;

б) смерть, интерпретируемая / представляемая героем по литературному образцу – *«Полет»*: смерть от неудачной операции аппендицита первой жены Аркадия Александровича, аранжируемая им в сентиментально-элегический сюжет о безвременной смерти возлюбленной и его неудавшемся самоубийстве; неожиданная смерть ненавистного супруга Лолы Энэ, который в ее воображении вдруг предстает в образе идеального возлюбленного, рождая в ней сентиментальные переживания; *«Эвелина и ее друзья»*: сентиментальные раздумья Ланглуа о своей скорой смерти, венчающие книгу его фальшивых заказных мемуаров;

в) несостоявшееся самоубийство придуманного героем-писателем персонажа – *«Полет»*: отказ от мысли о самоубийстве героя в новелле Аркадия Александровича;

г) фиктивная / выдуманная смерть / болезнь к смерти / самоубийство – *«Полет»*: придуманный рассказ Людмилы о смерти ее никогда не существовавшей дочери с целью получения денег от поклонника якобы на похороны ребенка; выдуманные ею сцены умирания от чахотки несуществующих братьев, разбитых параличом сестер; придуманная Аркадием Александровичем история смерти его первой жены от дифтерита, после которой он, якобы, пытался покончить с собой, но браунинг дал осечку;

д) некролог – жанр придуманной / романтизированной жизни – *«Призрак Александра Вольфа»*: герой пишет по заданию редакции некролог о политическом деятеле, прожившем грязную жизнь, в котором ему необходимо «оттенить положительные стороны покойного»; журналист – любитель работать в жанре некролога – заранее заготавливает некролог о самом себе; *«Пилигримы»*: романтизация «размашистого существования» Валентины Симон в посвященном ей некрологе, написанном редактором газеты, знавшем ее «очень хорошо».

Любовь под знаком смерти

«Вечер у Клэр»: близость влюбленных становится началом «смерти любви»; *«Призрак Александра Вольфа»*: чувственные впечатления героя от близости с героиней рождают мысль о том, что этот миг станет его последним воспоминанием в момент смерти; *«Пилигримы»*: роман Роберта и Жанины проходит под страхом мести Фреда, «хозяина» Жанины; *«Эвелина и ее друзья»*: роман Луизы Дэвидсон и Мервиля, сопровождающийся страхом Луизы мести со стороны ее бывшего любовника

а) смерть возлюбленной / любовника – *«Полет»*: смерть одного из любовников Лолы, оставившего ей состояние;

аа) смерть в пути на свидание – *«Полет»*: смерть одного из любовников Лизы, плывущего на свидание с нею, при пожаре на корабле; смерть

Людмилы в авиакатастрофе; *«Возращение Будды»*: смерть героя в морской переправе;

б) соединение возлюбленных в смерти – *«Возращение Будды»*: герой и Катрин;

в) смерть любовников в дорожной катастрофе – *«Полет»*: смерть Сергея Сергеевича и Лизы, бывших любовников; *«Пилигримы»*: смерть Валентины и ее спутника;

в) готовность на смерть ради любви – *«Полет»*: Лиза считает, что лучше умереть, чем потерять Сережу;

г) исчезающая возлюбленная, образ которой в воспоминаниях героя предстает в элегических красках смерти – *«Ночные дороги»*: безымянная возлюбленная героя; *«Возращение Будды»*: Катрин;

д) придуманная любовь к умершему супругу (иронич.) – *«Полет»*: Лола испытывает благодарную любовь к нелюбимому мужу за его своевременную смерть;

е) ироническое обыгрывание сюжетной модели «единство Эроса и Танатоса» – *«Полет»*: увлечение Федора Слетова владелицей похоронных бюро; *«Возращение Будды»*: свадьба дочери консьержки и служащего похоронного бюро;

еа) любовь при мертвом – *«Полет»*: «неудержимое желание» к Лоле врача, приехавшего засвидетельствовать смерть ее любовника; *«Пилигримы»*: мать Валентины Анна в момент смерти мужа испытывает жалость к нему и одновременно с этим «тяготение к новому любовнику»; *«Пробуждение»*: тетка Жюстина и ее любовник «удовлетворяют страсть» при умершем в любовной постели другом любовнике Жюстины.

Морское путешествие – «последняя переправа»

«Вечер у Клэр»: морской путь героя в эмиграцию – вступление в пространство смерти; *«Полет»*: смерть при пожаре на корабле Роберта, одного из любовников Лизы; *«Призрак Александра Вольфа»*: смерть родителей Елены Армстронг в морском путешествии: пароход подорвался на mine; *«Возращение Будды»*: морской путь героя к Катрин как последняя переправа.

«Память смертная» / призрак смерти, сопровождающий жизнь героев

«Вечер у Клэр»; *«Ночные дороги»*: воспоминания героя о многих смертях, свидетелем которых ему пришлось быть; *«Призрак Александра Вольфа»*: Вольф, Елена Армстронг, герой

а) близость смерти на войне навсегда ломает сознание героя – *«Вечер у Клэр»*, *«Призрак Александра Вольфа»*;

б) умозрительные представления героя о собственном умирании, не совпавшие с реальностью – *«Призрак Александра Вольфа»*: Вольф, живущий в предчувствии смерти, но не ожидающий выстрела героя, предотвратившего его собственное покушение на убийство Елены; *«Возращение Будды»*: Щербаков, представляющий свою мирную смерть, но ставший жертвой убийства из корысти.

Повешенные: мотивы

«Вечер у Клэр»: трупы повешенных махновцев вдоль военных российских дорог; *«История одного путешествия»*: воспоминания о виселицах Гра-

жданской войны, ассоциирующихся с виселицами «времен Пугачева»; *«Ночные дороги»*: смерть Жерара де Нерваля.

Политические убийства / исчезновения

«Ночные дороги»; *«Возвращение Будды»*: размышления героя о давно свершившихся политических убийствах, изменивших жизнь Европы

а) убийство по ошибке – *«Ночные дороги»*: убийство эмигрантом-параноиком Васильевым коммерсанта Дюбуа, принятого им за своего политического преследователя.

Притяжение смерти

«Вечер у Клэр», *«Ночные дороги»*, *«Призрак Александра Вольфа»*: мы все носим в себе свою смерть; *«Возвращение Будды»* (мотивы)

а) желание умереть в миг наивысшего счастья – *«История одного путешествия»*: Виктория; *«Пилигримы»*: Жанина.

Самоубийство

а) как выход из бессмысленного существования / безвыходной ситуации – *«Вечер у Клэр»*: самоубийство товарища Виталия от осознания бессмысленности жизни; самоубийство Виталия; *«Возвращение Будды»*: мысль о самоубийстве Щербакова в период его нищенского существования; *«Эвелина и ее друзья»*: самоубийство в тюрьме Клемана, осужденного на двадцать лет за убийство при недоказанной вине;

аа) самоубийство от позднего прозрения – *«Ночные дороги»*: Федорченко;

б) самоубийство от любовной измены – *«Призрак Александра Вольфа»*: лондонская любовница Вольфа;

в) самоубийство душевнобольного – *«Ночные дороги»*: самоубийство поэта Жерара де Нерваля (мотив из сферы воспоминаний героя); самоубийство эмигранта-параноика Васильева;

г) самоубийство от разорения – *«Ночные дороги»*: самоубийство двух старичков – мужа и жены, узнавших, что вложенные ими акции потеряли ценность;

д) самоубийство от разрушенной революцией жизни – *«Полет»*: жена бывшего российского миллионера;

е) загадочное самоубийство – *«Призрак Александра Вольфа»*: молодая учительница гимназии, неожиданно покончившая с собой без видимых причин; *«Пробуждение»*: обрывок газетного объявления об утопленнице, имя и причина смерти которой остались неизвестны;

ж) разлука с возлюбленной воспринимается героем как самоубийство (метафорич.) – *«Возвращение Будды»*: герой;

з) несостоявшееся самоубийство – *«Полет»*: мимолетность мысли о самоубийстве у Сергея Сергеевича – признак несостоявшейся жизни; рана Сережи при попытке самоубийства оказалась не смертельной; *«Пилигримы»*: вовемя появляющиеся Андрэ Бертье и Роберт успевают пресечь намерения Жанины покончить с собой из-за кажущейся ей невозможности быть вместе с Робертом.

Смерть богача-бедняка

«История одного путешествия»: смерть в нищете старика – бывшего коммерсанта, растерявшего свое богатство; *«Ночные дороги»*: смерть Ральди –

нищей проститутки, бывшей «дамы полусвета»; *«Эвелина и ее друзья»*: богатч, умирающий на своем золоте, ничем не отличается от нищего (мотив)

а) смерть нищего, ставшего богачом (инверсия) – *«Возвращение Будды»*: смерть Щербакова (см.: «Криминальные смерти / убийства», б))

Смерть-воскресение души

а) через любовь – *«Полет»*: Лиза в любви к Сереже; Лола через придуманный любовный роман с Пьером, ненавидимым ею при жизни, но после смерти постепенно обретающим черты идеального возлюбленного в ее воображении; *«Призрак Александра Вольфа»*: герой и Елена; *«Пилигримы»*: Роберт и Жанина; *«Пробуждение»*: Пьер в заботе и любви к Анне-Марии, Анна-Мария в любви к Пьеру; *«Эвелина и ее друзья»*: герой и Эвелина; Луиза Дэвидсон в любви к Мервиллю;

б) гибельность любви (инверсия) – *«Призрак Александра Вольфа»*: ощущение Елены Армстронг, что она гибнет от вампирической любви Вольфа;

в) духовное воскресение преступника – *«Пилигримы»*: Фред – преступник, ставший праведником; *«Эвелина и ее друзья»*: благоразумный разбойник (мотив);

г) отказ от несправедливо нажитого состояния – *«Пилигримы»*: ростовщик Лазарис;

д) смерть без духовного воскресения (инверсия) – *«Призрак Александра Вольфа»*: Вольф.

Смерть «двойника» / антигероя – проигранный поединок с жизнью

«Вечер у Клэр»: смерть дяди Виталия; *«История одного путешествия»*: смерть Александра Александровича; *«Полет»*: смерть Сергея Сергеевича; *«Призрак Александра Вольфа»*: смерть Александра Вольфа; *«Возвращение Будды»*: смерть Павла Александровича Щербакова.

Смерть друга

«Вечер у Клэр»: смерть от тифа однокашника героя, кадета Дикова (См.: «Кладбищенские мотивы»; «Юноша и смерть»)

а) несостоявшаяся обещанная встреча друзей после войны – *«Эвелина и ее друзья»*: смерть на войне / исчезновение в эмиграции друзей героя.

Смерть несостоявшаяся

«История одного путешествия»: выздоровление Володи после тяжелой болезни; спасение утопающей Вирджинии;

а) спасение от смерти как знак несвоевременности смерти, «отсроченной смерти» – *«История одного путешествия»*: избежавший смерти во время Гражданской войны Александр Александрович умирает в эмиграции в Париже; *«Полет»*: Сергей Сергеевич, дважды оставшийся в живых после покушения и вынесенного ему смертного приговора в Крыму во время Гражданской войны, гибнет в эмиграции на потерпевшем крушение авиалайнере; *«Призрак Александра Вольфа»*: ранение Вольфа во время Гражданской войны не приводит к смерти, но он гибнет в поединке с героем в Париже; история русского офицера, спасавшегося от смерти на войне и утонувшего в колодце в маленьком азиатском городке в эмиграции; *«Возвращение Будды»*: избежавший ложного обвинения в убийстве, грозящего ему гильотиной, герой в финале погибает в морском путешествии; *«Пилигримы»*: Фред,

избегнувший смерти в поединках с Робертом, гибнет в горах Швейцарии, упав в пропасть (см. также: «Болезнь к смерти», ба));

га) «запоздавшая смерть» – «*Возвращение Будды*»: смерть в эмиграции бывшего полковника Русской армии, ставшего французским рабочим, «опоздавшего» умереть в военном лагере на берегу Дарданелл;

д) несостоявшееся убийство – «*Призрак Александра Вольфа*»: спасение героя от пули Вольфа в военном поединке, жертвой которого стала лошадь (см. также «Смерть несостоявшаяся, а»);

е) несостоявшееся самоубийство (см.: «Самоубийство», з))

ж) не оправдавшееся предчувствие смерти / псевдоветхий сон – «*История одного путешествия*»: не оправдавшийся сон Вирджинии о любимой умершей лошади, воспринятый ею как знак смерти от родов;

з) мистификация, мнимая смерть – «*Пилигримы*»: мнимая смерть Анны: сенатор удочеряет ее дочь Валентину с одним условием: чтобы Анна, ведущая «сомнительное существование», исчезла из жизни дочери. Для этого он придумывает легенду о ее смерти во время морского путешествия.

Смерть – отъезд в другую страну

«*Ночные дороги*»: смерть бывшего русского генерала, представленная им как отъезд из Парижа; «*Возвращение Будды*»: отъезд-исчезновение Катрин; морская переправа героя в Мельбурн (см.: «Морское путешествие – «последняя переправа»).

Смерть – переход из одного состояния / пространства в другое

«*Пилигримы*»: концепция смерти у Рожэ; «*Пробуждение*»: смерть Альберта Форэ, воспринимаемая Пьером как переход в другое пространство

а) Харон – перевозчик мертвых (мотив) – «*Пилигримы*».

Смерть / похороны животных / смерть рыб, птиц, насекомых

«*Вечер у Клэр*»: смертельная битва муравьев с тарантулом; умирающий старый орел, подбитый на охоте отцом героя; умирающий филин; «*История одного путешествия*»: похороны кошки, упавшей с высокого этажа; «*Призрак Александра Вольфа*»: убийство лошади героя спасает ему жизнь; незамеченная героями смерть золотых рыбок, выпрыгивающих из аквариума с перегретой водой; «*Возвращение Будды*»: смерть рыси, подбитой Щербаковым и растерзанной бульдогом в зимнем лесу в России.

«Смерть поэта»

а) расхождение жизни с поэзией (спор с романтическим тезисом Батюшкова: «Жизнь и поэзия – одно») – «*Ночные дороги*»: непоэтичная смерть Жерара де Нерваля; «*Эвелина и ее друзья*»: загадочное убийство Жоржа – богатого скупца, плохого брата и при этом одаренного поэта.

Смерть-рождение

«*Ночные дороги*»: смерть Федорченко – начало родов у Сюзанны;

а) несостоявшаяся жизнь / аборт (инверсия) – «*История одного путешествия*»; «*Возвращение Будды*»: прерванная беременность Катрин, почитавшей преждевременным собственное материнство; «*Пробуждение*»: рождение мертвого ребенка у Анны и Жака – знак умершей любви.

Страх смерти

«*Вечер у Клэр*»: смерть и похороны отца вызывают у героя чувство страха перед смертью, собственным умиранием; страх смерти у солдат на войне,

смысла которой они не понимают; *«Полет»*: страх смерти у стариков – современников Лолы Энэ; *«Ночные дороги»*: Сюзанна; Алиса; *«Возвращение Будды»*: представления героя о смерти как катастрофе, от ужаса которой стынет кровь; *«Пробуждение»*: страх смерти у умирающего Альберта Форэ, отца Пьера

а) отсутствие страха смерти – *«Полет»*: Сергей Сергеевич; Лиза, предпочитающая смерть разлуке с возлюбленным; *«Призрак Александра Вольфа»*: герой; *«Возвращение Будды»*: Щербаков в надежде на «упокоение в лоне Авраама, Исаака и Иакова»;

аб) смерть святых / подвижников церкви – *«Вечер у Клэр»*: подвиг прот. Аввакума; смерть священника во время гонений Гражданской войны; *«Эвелина и ее друзья»*: «сестра моя смерть» Франциска Ассизского (мотив).

Страшный Суд

«Возвращение Будды»: рефлексия героя над образами «Страшного Суда» Микеланджело; *«Эвелина и ее друзья»* (мотив);

а) суд совести – *«Пилигримы»*: воспитательные беседы Рожэ с Фредом.

Теоретическое / философское убийство

«Призрак Александра Вольфа»: в философии Вольфа «власть убийства» служит кратковременной возможностью возвыситься над гибельной судьбой; *«Возвращение Будды»*: теоретические измышления прокурора о спланированности Амаром «второго» убийства; *«Эвелина и ее друзья»*: теория одного из персонажей социальной обусловленности преступлений, большинство из которых совершаются «плодами снизу»;

а) психологические концепции преступлений – *«Эвелина и ее друзья»*: концепция уничтожения класса эксплуататоров, выдвинутая одним из политических деятелей, была его психологической реакцией на отказ избранницы стать его женой; размышления героя о смерти Марата, который, с его точки зрения, не стал бы политическим убийцей и мог бы дожить до спокойной старости, избежав ножа Шарлотты Кордэ, если бы судьба была к нему более милостива и он не был бы «душно пахнущим и покрытым прыщами человеком» [Газданов, 2009, IV, с. 211] (иронич.).

а) умозрительные представления, ставшие реальностью – *«Возвращение Будды»*: размышления героя о своевременности смерти Щербакова, убитого в тот же день Амаром, воспринимаются им как «теоретическое убийство», в котором он винит себя.

Умирание (см.: «Память смертная...», б)

а) умирание в одиночестве – *«Ночные дороги»*: Ральди; *«Возвращение Будды»*: визуальные представления героя о своей смерти как итоге безрадостного существования;

б) безобразное умирание – *«Ночные дороги»*: реальность умирания не соответствует красивой «философской смерти» (мотив); *«Призрак Александра Вольфа»*: созданный воображением Вознесенского образ Марины, от красоты которой в смерти останется только «догнивающее тело»;

в) символика смерти / умирания – *«Вечер у Клэр»*: звук пилы, холодный воздух, колокольный звон, кладбище и памятники, пустыня, безмол-

вие, «оранжевое пламя подземного солнца», черное озеро, падение в черную глубину, морская переправа; «*Полет*»: печать смерти на лице (Сергей Сергеевич); «*Призрак Александра Вольфа*»: всадник Апокалипсиса на белом коне; «*Возвращение Будды*»: морская переправа.

Юноша и смерть

«*Вечер у Клэр*»: смерть Дикова (см.: «Смерть друга»)

Литература

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992.

Батюшков К. Н. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1988.

Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. М.: Наука, 1991.

Биццли П. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // *Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал.* Париж, 1928. № 36.

Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М.: ЭЛЛИС ЛАК, 2009.

Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // *Одиссей.* М.: Наука, 1989.

Гуревич А. Я. Предисловие. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992. URL: http://www.pedlib.ru/Books/6/0233/6_0233-1.shtml (дата обращения: 09.03.2013).

Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. ин-та гуманитарных исслед., 1995.

Капинос Е. В. Тезаурус смерти в творчестве Бунина // *Капинос Е. В.* Малые формы поэзии и прозы (Бунин и другие). Новосибирск: ООО «Открытый квадрат», 2012. С. 115–145.

Каспэ И. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Красавченко Т. Н. Газданов-экзистенциалист. Два рассказа и фрагмент из архива в Гарварде // *Возвращение Гайто Газданова.* Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения. 4–5 дек. 1998. М.: Русский путь, 2000. С. 239–243.

Левин Ст. Кто умирает? Киев: София, 1996.

Матвеева Ю. Самосознание поколения в творчестве писателей-младомигрантов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008.

Постнов О. Г. Смерть в России X–XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. Новосибирск, 2001.

Проскурина Е. Н. Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова. М.: Новый Хронограф, 2009.

Ринпоче С. Книга жизни и практики умирания, Рангдрол Т. Н. Зеркало полноты внимания. М.: Изд-во АДЕ «Золотой Век», 1998.

Тюпа В. И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов // *Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы».* От сюжета к мотиву: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1996. С. 16–23.

Уоллис Бадж Е. А. Путешествие души в царстве мертвых (Египетская Книга Мертвых). М.: Изд-во АДЕ «Золотой Век», 1997.

Хисматулин А. А., Крюкова В. Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997.

Article metadata

Title: Thanatological plot-motif complex in novels by G. Gazdanov.

Author: E.N. Proskurina.

Author's e-mail: proskurina_elena@mail.ru.

Author affiliation: Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Abstract: The article explores thanatological plot and motive complex in the novels by G. Gazdanov. In the course of the analysis the author reveals Gazdanov's attitude towards death determining his attitude towards life as well. The investigation of the writer's artistic perception and his emotional experience of death enables to see not only his dominating ideas connected with the problem of the young immigrants' self-consciousness but also the distinctive features of Gazdanov's mental setup determining his peculiar position in the literary environment of the "unnoticed generation". As the research has shown, the Biblical plot of Kain and Abel is a base of the theme of death in Gazdanov's work. The second part of the investigation is devoted to this plot's modulations which create a varied plot tree structure in the cycle of Gazdanov's novels.

Key terms: G.Gazdanov's novels, literature of mlado-emigrants, archetypical biblical plots, plots of death.

Reference literature (in transliteration):

Ar'es F. Chelovek pered litsom smerti. M.: Progress – Progress-Akademija, 1992.

Batjushkov K.N. Stihotvorenija. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1988.

Bessmertnyj Ju. L. Zhizn' i smert' v srednie veka. M.: Nauka, 1991.

Bicilli P. Problema zhizni i smerti v tvorchestve Tolstogo // Sovremennye zapiski. Obshhestvenno-politicheskij i literaturnyj zhurnal. № 36. Parizh, 1928.

Gazdanov G. Sobr. soch.: V 5 t. M.: JeLLIS LAK, 2009.

Gurevich A. Ja. Smert' kak problema istoricheskoy antropologii: o novom napravlenii v zarubezhnoj istoriografii // Odissej. M.: Nauka, 1989.

Gurevich A. Ja. Predislovie. Filipp Ar'es: Smert' kak problema istoricheskoy antropologii // Ar'es F. Chelovek pered licom smerti. M.: Progress – Progress-Akademija, 1992. URL:http://www.pedlib.ru/Books/6/0233/6_0233-1.shtml (data obrashhenija: 9.03. 2013).

Dienesh L. Gajto Gazdanov. Zhizn' i tvorchestvo. Vladikavkaz: Izd-vo Sev.-Oset. in-ta gumanitarnyh issled., 1995.

Kapinos E. V. Tezaurus smerti v tvorchestve Bunina // Kapinos E.V. Malye formy poezii i prozy (Bunin i drugie). Novosibirsk: OOO «Otkrytyj kvadrat», 2012. S. 115-145.

Kaspje I. Iskusstvo otsuststvovat'. Nezamechennoe pokolenie russkoj literatury. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.

Krasavchenko T. N. Gazdanov-jekzistencialist. Dva rasskaza i fragment iz arhiva v Garvarde // Vozvrashhenie Gajto Gazdanova. Nauchnaja konferencija,

posvjashhennaja 95-letiju so dnja rozhdenija. 4–5 dek. 1998. M.: Russkij put', 2000. S. 239-243.

Levin St. Kto umiraet? Kiev: «Sofija», 1996.

Matveeva Ju. Samosoznanie pokolenija v tvorcestve pisatelej-mladojemigrantov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2008.

Postnov O. G. Smert' v Rossii X-XX vv.: Istoriko-jetnograficheskij i sociokul'turnyj aspekty. Novosibirsk, 2001.

Proskurina E. N. Edinstvo inoskazanja: o narrativnoj pojetike romanov Gajto Gazdanova. M.: Novyj Hronograf, 2009.

Rinpoche S. Kniga zhizni i praktiki umiranja, Rangdrol T. N. Zerkalo polnoty vnimanija. M.: Izd-vo ADE «Zolotoj Vek», 1998.

Tjupa V.I. Fazy mirovogo arheosjuzheta kak istoricheskoe jadro slovarja motivov // Materialy k «Slovarju sjuzhetov i motivov russkoj literatury». Ot sjuzheta k motivu. Sb. nauch. trudov. Novosibirsk, 1996. S. 16-23.

Wallis Budge E. A. Puteshestvie dushi v carstve mertvyh (Egipetskaja Kniga Mertvyh). M.: Izd-vo ADE «Zolotoj Vek», 1997.

Hismatulin A. A., Krjukova V. Ju. Smert' i pohoronnyj obrjad v islame i zoroastrizme. SPb.: Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1997.